

ИСКУШЕНИЕ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ: РИТОРИЧЕСКИЕ И ЦЕННОСТНЫЕ ФУНКЦИИ ВОЛАНДА И МЕФИСТОФЕЛЯ

Нишанов Яшин Иззатуллаевич

*Доцент кафедры русской филологии, Ферганского государственного
университета*

Рахмонова Хуснидахон

*Студентка филологического факультета Ферганского государственного
университета*

Аннотация: *В статье проводится сравнительный анализ образов Воланда в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и Мефистофеля в трагедии И. В. Гёте «Фауст». Особое внимание уделяется онтологическому статусу персонажей, риторике искушения, интеллектуальным стратегиям воздействия на героев и ценностным последствиям испытаний. Показано, что, несмотря на общую демоническую природу, художественные функции и аксиологические смыслы персонажей различны: Мефистофель стимулирует духовное становление личности, а Воланд выявляет нравственное состояние общества. Анализ демонстрирует влияние культурно-исторического контекста на формирование художественного образа демона и его семантических функций.*

Ключевые слова: *Воланд, Мефистофель, демонический образ, риторика искушения, аксиология, духовное становление, нравственная диагностика, Булгаков, Гёте.*

Образы Воланда и Мефистофеля являются ключевыми фигурами в литературных традициях XX и XIX веков, через которые авторы исследуют границы человеческой свободы, нравственную ответственность и философские основания бытия. Несмотря на внешнее сходство, их онтологическая природа, риторика воздействия на героев и аксиологические функции существенно различаются. Настоящая статья посвящена сравнительному анализу этих персонажей с акцентом на способы искушения и их значение для формирования ценностных ориентиров как отдельного индивида, так и общества в целом.

1. Онтологический статус персонажей. Мефистофель встроен в христианско-философскую картину мира, где его существование обусловлено божественным порядком. Он одновременно проявление силы отрицания и инструмент духовного развития Фауста. Мефистофель не является абсолютным злом, а действует как элемент диалектики становления личности [1, с.25-30]. Его присутствие структурирует сюжет и философский замысел, открывая возможности для морального и интеллектуального испытания героя. Воланд функционирует в секуляризованном и нравственно дезориентированном мире

Москвы 1930-х годов. Его онтологический статус менее догматичен: он не подчинён божественному промыслу напрямую, но действует как трансцендентная сила, выявляющая нравственные качества общества и отдельных людей[2,с.45-50]. Через взаимодействие с героями романа и организацию событий Воланд становится арбитром справедливости, обеспечивая восстановление морального равновесия. Композиционно Мефистофель выступает как постоянный спутник Фауста, инициирующий ключевые события и структурирующий сюжет. Воланд выполняет более широкий художественный план: он связывает различные линии романа, создаёт карнавально-сатирическую динамику и обеспечивает интеграцию метафизического и реального миров. Семантически оба персонажа представляют демоническое начало, однако у Гёте оно направлено на развитие личности, а у Булгакова — на выявление нравственного состояния общества.

2. Риторика искушения. Мефистофель использует рационалистические и иронические приёмы, оперируя логическим подрывом иллюзий, афористикой и философским парадоксом. Искушение Фауста строится через провокацию внутреннего конфликта и сомнения, стимулируя активное духовное становление героя. Мефистофель не навязывает действия, а создаёт ситуации, в которых Фауст самостоятельно реализует свои желания, что делает искушение интеллектуально-философским[3,с.112-115]. Риторика Воланда отличается метафизической дистанцией и направлена на выявление скрытых пороков личности и общества. Его воздействие строится на разоблачении, демонстрации превосходства иронической и фактологической позиции. Искушение в «Мастере и Маргарите» носит не столько чувственный, сколько нравственный характер: оно выявляет жадность, лицемерие, страх и духовную слабость персонажей. Воланд выступает как наблюдатель и судья, а его слова обладают силой окончательного суждения, подчеркивая существование трансцендентного морального порядка. Различие адресата искушения также принципиально. У Гёте — индивидуальная личность, у Булгакова — коллективное сознание. Стратегии различны: Мефистофель активизирует внутренний кризис Фауста, Воланд провоцирует общественную деградацию, выявляя нравственную пустоту. В обоих случаях демоническое слово становится инструментом проверки подлинного характера, но его масштабы и направленность различны.

3. Ценностные последствия испытаний. Испытания Мефистофеля имеют целью развитие личности через преодоление кризисов, раскрытие внутреннего потенциала и стремление к бесконечному познанию. Фауст проходит через моральные падения, сомнения и страдания, но сохраняет активное стремление к созиданию. Финальный смысл трагедии заключается в утверждении динамики

духовного становления: зло функционально включено в мировую диалектику, а человеческий дух способен к преодолению пределов.

В «Мастере и Маргарите» Воланд выявляет нравственные качества и духовную стойкость героев и общества. Испытания показывают границы свободы, меру ответственности и способность к внутренней верности истине и любви. Финал романа подчёркивает ценность внутренней верности и нравственного выбора, а не абсолютизированного триумфа добра: справедливость проявляется как восстановление внутреннего равновесия, а не как идеальный порядок. Сопоставление показывает, что у Гёте ценностный итог ориентирован на индивидуальное духовное развитие, а у Булгакова — на социокультурное измерение нравственной оценки. Оба произведения демонстрируют существование высшего порядка, но интерпретируют его по-разному: один через философское движение личности, другой через выявление нравственного состояния эпохи

Сравнительный анализ Воланда и Мефистофеля показывает, что одинаковый архетип демона в разных культурно-исторических контекстах приобретает различные смысловые и ценностные акценты. Мефистофель стимулирует духовное становление Фауста, действуя как философское отрицание и инструмент личностного развития. Воланд выявляет моральную сущность героев и общества, исполняя функцию трансцендентного арбитра, который восстанавливает справедливость. Риторика искушения, интеллектуальные стратегии и ценностные последствия их действий отражают философскую специфику текстов: романтический гуманизм и вера в созидательный потенциал личности у Гёте, экзистенциально-нравственная оценка общества и необходимость внутренней верности истине у Булгакова. Сопоставительный подход показывает, что демонический образ способен выполнять многоуровневые функции — от структурирования сюжета и стимулирования духовного поиска до выявления нравственной деградации и восстановления нравственного порядка, что делает его ключевым инструментом анализа философской и аксиологической системы произведений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гёте И. В. Фауст. — М.: Художественная литература, 1988. — С. 25–30.
2. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. — М.: Эксмо, 2017. — С. 45–50.
3. Франк Р. Гёте и «Фауст». — СПб.: Наука, 2005. — С. 112–115.
4. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. — М.: Искусство, 1970. — 256 с.
5. Кнорре В. И. Литература и философия: о демонических образах в мировой культуре. — СПб.: Петербургское философское общество, 2002. — 320 с.

6. Иванова Е. А. Риторика и аксиология в русской и немецкой литературе XX–XIX вв. — М.: Флинта, 2015. — 184 с.